

Киреев Антон Александрович*, доцент кафедры политологии Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук.

Структурные условия развития трансграничного сотрудничества в Северо-Восточной Азии

Всего 20 лет назад любые суждения, связывающие вместе такие понятия, как "трансграничное сотрудничество" и "Северо-Восточная Азия", могли бы претендовать на новизну. Сегодня такие суждения констатируют очевидную реальность и небызвестны даже самому неискущённому обывателю. И в самом регионе, и за его пределами трансграничное сотрудничество и интеграция широко воспринимаются как едва ли не главные составляющие жизни региона в настоящем и ещё больше – в ближайшем будущем. При этом, пожалуй, наибольшую безоговорочность дискурс о региональной интеграции приобрёл в официальной риторике и медиапространстве далеко не самого заметного субъекта этого региона – России. Судя по неоднократным заявлениям российских властей на самом высоком уровне, интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и Северо-Восточной Азии (СВА) являются для них такой же реальностью, как и необходимость активного включения в них России¹.

Оценки состояния трансграничных отношений в СВА учёными, в том числе отечественными, конечно, не столь однозначны. В исследовательской литературе выявлен спектр военно-политических, социально-демографических и экономических проблем и рисков двустороннего и многостороннего уровней, которые осложняют, замедляют или искажают динамику развития международного сотрудничества в этом регионе². В то же время подавляющее большинство исследователей не подвергают

* antalkir@yandex.ru.

¹ Курилов В. И. и др. Перспективы сотрудничества России со странами АТР / В. И. Курилов, И. И. Меламед, А. А. Дягилев, А. Л. Абрамов, Ю. А. Авдеев. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2010. С. 5.

² Лукин А. Л. Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политика, экономика, безопасность : моногр. / А. Л. Лукин. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2009. С. 11–15, 236–238; Рубан Л. С., Катаева Е. Г., Хегай В. К. Геостратегические интересы Российской Федерации на Дальнем Востоке / Л. С. Рубан, Е. Г. Катаева, В. К. Хегай. М. : Наука, 2006. С. 25–29, 39–48; Amirov V. Russia, Japan, and the Asia-Pacific / Viacheslav Amirov // From APEC 2011 to APEC 2012: American and Russian Perspectives on Asia-Pacific Security and Cooperation / eds. R. Azizian, A. Lukin. Vladivostok : Far Eastern Federal Univ. Press ; Honolulu : Asia-Pacific Center for Security Studies, 2012. P. 127–137; Malik M. China in the Asia-Pacific in 2040: Alternative Futures / Mohan Malik // From APEC 2011 to APEC 2012 ... P. 162–177.

сомнению рамочный дискурс о регионе, рассматривая интеграционные процессы в СВА как объективную данность или как predetermined перспективу. Работая "внутри" интеграционистской парадигмы, учёные обсуждают главным образом средства и направления трансграничного сотрудничества, но не его возможность и пределы.

Трудность проблематизации самой парадигмы региональной интеграции состоит, на наш взгляд, в её тесной обусловленности уже глубоко укоренившейся в современной общественной науке либерально-глобалистской картиной мира. Одним из не всегда осознаваемых, но ключевых посылов, лежащих в основе этой картины, является представление о принципиальной гомогенности мирового пространства-времени и второстепенности его национальной и региональной дифференциации. В методологическом отношении такое представление побуждает международных, политологов и экономистов к активному использованию аналогий, свободному географическому переносу концепций и моделей, созданных на вполне конкретном эмпирическом материале. С этой точки зрения показательно, что в научных работах, посвящённых вопросам трансграничного сотрудничества и интеграции в СВА, обычно присутствует прямая или косвенная отсылка к опыту Европейского региона (и, прежде всего, ЕС), который служит своего рода концептуальным эталоном в изучении данной проблематики. Однако насколько научным и практически допустимым является предположение о качественной однородности двух регионов? И в каких пределах тенденции развития трансграничных отношений в Европе могут быть экстраполированы на подобные отношения в регионе СВА?

Для того чтобы попытаться найти ответы на эти вопросы, рассмотрим состояние трансграничных отношений в Европе³ и СВА⁴ на довольно абстрактном уровне – уровне их структурных условий.

Под *структурными условиями трансграничных отношений* в данном случае понимаются наиболее устойчивые, долговременные свойства их естественной и общественной среды. В отличие от интересов и действий участников трансграничных отношений и управления последними со стороны государственных органов структурные условия оказывают на динамику таких отношений только опосредованное влияние. Они проявляют себя в трансграничных отношениях как потенциал их развития и как пределы объективно возможного. При этом именно характер структурных условий определяет степень типологического сходства и различия регионов, а значит, и меру допустимости взаимного экстраполирования исторических тенденций их внутреннего развития.

Установление перечня структурных параметров природной и общественной среды региона, задающих поле возможностей для развития

³ Под Европейским регионом в данной работе понимается Европа в её физико-географических границах, включающая территории 38 стран, а также европейскую часть РФ (Северо-Западный, Центральный, Поволжский, Южный и Северокавказский федеральные округа). Общая площадь региона – 10 млн 360 тыс. кв. км.

⁴ Состав СВА определяется в научной литературе различным образом. В настоящей работе в СВА включаются территории 6 стран (КНР, КНДР, Монголия, РК, Тайвань и Япония), также азиатская часть РФ (Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа). Общая площадь региона – 24 млн 932 тыс. кв. км.

трансграничных отношений в нём, само по себе является очень сложной теоретической проблемой. Если принять во внимание иерархичность и полиструктурность составляющих международный регион природных и общественных систем, то набор таких параметров может стать весьма обширным. В настоящей статье сосредоточимся на описании лишь некоторых структурных условий СВА, отвечающих следующим методологическим требованиям:

– верифицируемость (т.е. наличие в источниках и научной литературе достаточно точных и однозначных измерений эмпирических показателей этих условий);

– близость к изучаемому объекту (высокая, наименее опосредованная корреляция с динамикой трансграничных отношений);

– универсальность (возможность использования для кросс-региональных сравнений, в частности для сопоставления СВА и Европейского региона);

– комплексность (охват основных природных и общественных компонентов системы региона).

Структурные условия трансграничных отношений между обществами, соседствующими в пределах определённого международного региона, можно разделить на пять категорий:

- физико-географические;
- социально-демографические;
- экономические;
- культурные;
- политико-административные.

Первую из указанных категорий образуют природные факторы, наиболее устойчивые и генетически предшествующие структурным факторам других категорий. Влияние природной среды региона на протекающие в нём трансграничные процессы чрезвычайно многообразно. Своё участие в формировании его потенциала так или иначе принимают все составляющие физико-географической оболочки (атмосфера, рельеф, вода, почва, флора и фауна), обладающие собственной структурой и границами. Однако наиболее сильным дифференцирующим воздействием на пространство региона, в решающей мере (даже с учётом современных возможностей антропогенной, технико-технологической компенсации этого воздействия) обуславливающим уровень его проницаемости (контактности) для всех форм общественных коммуникаций, обладают орографические и гидрографические условия. Среди многих показателей, характеризующих естественный уровень контактности⁵ и задаваемых орографией и гидрографией региона, важнейшими являются соотношение площадей горных и равнинных участков поверхности, высотность горных хребтов, ширина и взаимное географическое положение горных и равнинных областей, площадь и географическое положение речных бассейнов, ширина и географическое положение морских акваторий и протяжённость морских побережий.

⁵ Естественный уровень контактности выражает не только природно обусловленную степень коммуникационной проницаемости регионального пространства, но и меру его доступности для заселения и освоения.

По большинству названных показателей орографические и гидрографические условия Европы и СВА заметно различаются. Так, если в Европе горы (в основном, средневысотные) занимают около 50 % территории, то в большинстве стран Северо-Восточной Азии на горные районы приходится более 75 % их общей площади, причём до трети из них составляют высокогорья⁶. Сплошные горные массивы Европы, отделяющие от региона его южную часть (Испания, Италия, Греция), в своём наиболее широком меридиональном протяжении простираются до 400–500 км. В СВА обширные горные области не только отделяют друг от друга основные, интраграницные равнины (Великую Китайскую с примыкающими к ней долинами Ляохе и Сунгари и Западно-Сибирскую с Приленским плато), но и, за исключением участков побережий морей Лаптевых и Карского на севере и Восточно-Китайского и Жёлтого на востоке, обособляют их от морских пространств. При этом на севере и юге СВА окружающие равнины горные районы имеют ширину до 1 тыс. км, а на западе – свыше 2 тыс.

На территории и Северо-Восточной Азии, и Европы есть крупные речные бассейны, в том числе трансграничные. Важнейшими трансграничными реками Европы являются Рейн (площадь бассейна – 224 тыс. кв. км) и Дунай (817 тыс. кв. км). Соединённые в 1992 г. каналом, эти речные бассейны покрывают в общей сложности 1/10 площади региона, связывая территории 19 европейских государств. Кроме того, трансграничное значение имеют также соединённые каналом речные системы Вислы (194 тыс. кв. км) и Днепра (504 тыс. кв. км), располагающиеся на территориях 4 государств региона. Среди крупных речных бассейнов СВА к трансграничным относится только бассейн Амура (1855 тыс. кв. км, т.е. около 7,5% площади региона), который связывает территории 3 государств⁷.

Из-за большой изрезанности береговой черты (её протяжённость – 143 тыс. км)⁸ Европейский регион окружён с севера, запада и юга 14 морями, 9 из которых имеют ярко выраженное трансграничное положение по отношению к странам региона. Ширина трансграничных морских акваторий, как правило, относительно невелика и находится в диапазоне от 16 (пролив Эресунн между Данией и Швецией) до 800 км. Береговая линия СВА, несмотря на его более значительную площадь, имеет протяжённость около 88 тыс. км⁹. Из 10 морей, омывающих регион, трансграничными по отношению к его странам являются только 3 (Японское, Жёлтое и Восточно-Китайское). Ширина трансграничных морских акваторий находится в диапазоне от 43 (пролив Лаперуза между Россией и Японией) до 1200 км.

⁶ Максаковский В. П. Географическая картина мира : в 2 кн. / В. П. Максаковский. М. : Дрофа, 2008. Кн. 2. С. 3–4; Страны мира : универсальный справ. / науч. ред. Д. И. Люри. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 419, 450, 456, 712–713, 839.

⁷ Малый атлас мира / отв. ред. И. М. Кадченко. М. : Федер. служба геодезии и картографии России, 2002. С. 199–200.

⁸ Максаковский В. П. Указ. соч. С. 4.

⁹ Подсчитано автором на основе: Field listing: Coastline // The World Factbook. 2012. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2060.html> (дата обращения: 14.10.2013).

Таким образом, по всем использованным показателям физико-географические (точнее, орографические и гидрографические) условия трансграничных контактов в Европейском регионе более благоприятны, чем в СВА.

Социально-демографические структурные ограничения развития трансграничных отношений могут быть конкретизированы в показателях плотности и равномерности расселения.

И СВА, и Европа в целом принадлежат к наиболее плотно населённым регионам мира. В то же время они весьма различны с точки зрения равномерности распределения своих демографических ресурсов. Эти различия можно проследить уже при сопоставлении значений плотности населения в отдельных странах Европы и Северо-Восточной Азии. В Европе на межстрановом уровне плотность населения колеблется в диапазоне от 3 (Исландия) до 370 (Нидерланды) человек на 1 кв. км. В СВА диапазон колебаний этого показателя составляет от 1,8 (Монголия¹⁰) до 628 (Тайвань) человек на 1 кв. км¹¹. При этом необходимо отметить, что в Европе распределение населения внутри отдельных стран, как правило, является достаточно равномерным и разброс значений плотности населения между внутренними районами разных стран, за исключением нескольких малонаселённых северных районов скандинавских государств, Исландии и Европейской России¹², в целом укладывается в рамки межстранового. Напротив, в СВА поляризация внутренних регионов по плотности населения значительно превышает поляризацию стран. Так, если целый ряд притихоокеанских префектур Японии (Канагава, Сайтама, Тиба) имеют плотность населения свыше 1 тыс. человек на 1 кв. км, то значение данного показателя для Чукотского автономного округа России составляет 0,07 человека на 1 кв. км¹³.

Важной особенностью территориального распределения населения в Европе является его относительно более высокая плотность в приграничных регионах. Ярким примером этой тенденции служит так называемая "Центральная ось развития" Западной Европы, охватывающая территории стран Бенилюкса, Швейцарии, Западной Германии, Северной и Восточной Франции, Центральной и Южной Великобритании и Северной Италии. Плотность населения в пределах "Центральной оси" достигает 300 человек на 1 кв. км, что в среднем в 6 раз больше, чем в других частях Европейского региона. Следует отметить, что именно регионы "Центральной оси" стали участниками наиболее ранних и интенсивных интеграционных процессов в Европе¹⁴.

¹⁰ Средняя плотность населения в азиатской части России незначительно превышает показатель Монголии.

¹¹ См.: Страны мира. С. 352–354, 596–599, 633–634, 840.

¹² Например, плотность населения в Ненецком автономном округе (РФ) – 0,2 человека на кв. км (Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 : стат. сб. / ред. коллегия: М. А. Дианов (председатель), Н. С. Бугакова, М. И. Гельвановский и др. ; Росстат. М., 2012. С. 20).

¹³ См.: Регионы России ... С. 22; Population by Sex and Sex ratio for Prefectures – Total population, Japanese population. 2008. October 1 // Official Statistics of Japan : website. 2010. April 16. URL: <http://www.e-stat.go.jp/SG1/estat/XlsdlE.do?sinfid=000002630585> (дата обращения: 10.10.2013).

¹⁴ *Максаковский В. П.* Указ. соч. С. 114–117.

Иная ситуация сложилась в СВА. Самыми плотно населёнными её регионами (особенно Японии, Южной Кореи и КНР) являются центральные и приморские¹⁵. Регионы же, прилегающие к большей части периметра границ этих стран (т.е. прежде всего сухопутной), имеют плотность населения значительно ниже среднего государственного уровня.

Экономические структурные условия развития трансграничных отношений могут быть выражены в показателях экономической плотности территорий и их обеспеченности факторами производства (распределения сравнительных преимуществ). Экономическая плотность территории является очень ёмким показателем, тесно связанным с такими понятиями, как "освоенность" и "уровень экономического развития". Экономическая плотность стран Европейского региона варьирует в пределах от 38 166 (Мальта) до 632 тыс. дол. (европейская часть России) на кв. км. Страны СВА варьируют по этому показателю значительно больше – от 25 500 (Тайвань) до 9,8 тыс. дол. (Монголия) на кв. км¹⁶. Таким образом, с точки зрения экономической плотности межстрановые различия в СВА в сравнении с Европой выражены заметно сильнее, чем в демографической сфере. Большую поляризованность по показателю экономической плотности относительно Европы СВА демонстрирует и на субнациональном уровне. Так, если в Европейском регионе разрыв в экономической плотности внутригосударственных регионов находится в пределах тысячекратного масштаба от 21 940 (Северная Рейн-Вестфалия, Германия) до 12,1 тыс. дол. (Псковская область, Россия) на кв. км, то в СВА этот показатель может различаться в 10 тыс. раз: от 47 380 (префектура Айти, Япония) до 4,8 тыс. дол. (Чукотский автономный округ, Россия) на кв. км¹⁷. Как и в случае с населением, производительные силы стран СВА (в отличие от Западной и Центральной Европы) характеризуются очень высокой территориальной концентрацией и обычно резко убывают по мере приближения к их границам, что особенно свойственно для Китая.

Сравнивая обеспеченность стран двух регионов различными факторами производства, необходимо отметить, что в Европе их географическое распределение более равномерно, а структура спроса и предложения на региональном рынке более сложна. В Европейском регионе высокий уровень обеспеченности каждым из основных факторов производства

¹⁵ К ним принадлежат административные образования, расположенные на территории "Тихоокеанского промышленного пояса" Японии и коридора "Сеул – Пусан" в Южной Корее, а также восточные провинции Китая.

¹⁶ Значения показателей по ППС рассчитаны автором на основе: Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в I квартале 2013 г. : Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 80 с.; Country Comparison: GDP (purchasing power parity) // The World Factbook. 2012. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2001.html#ch> (дата обращения: 14.10.2013).

¹⁷ Значения показателей по ППС рассчитаны автором на основе: Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998–2012 гг. // Росстат : интернет-сайт. 2014. 17 марта. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp98-12.xls (дата обращения: 17.03.2014); Aichi statistical yearbook // Aichi Prefectural Government : website. 2012. URL: <http://www.pref.aichi.jp/toukei/index-e.html> (дата обращения: 12.10.2013); National accounts – Gross domestic product // Federal Statistical Office and the statistical Offices of the Länder : website. 2014. [Last updated: 28.03.2014]. URL: http://www.statistik-portal.de/statistik-portal/en/en_jb27_jahrtab65.asp (дата обращения: 28.03.2014).

имеют большие группы стран. Так, сравнительными преимуществами в обеспеченности *капиталом* обладают Великобритания, Франция, Германия, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Норвегия, Люксембург; *технологиями* – Великобритания, Франция, Германия, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Швеция, Италия, Дания; *топливно-энергетическими ресурсами* – Норвегия, Европейская Россия, Великобритания, Нидерланды, Дания; *минеральным и иным природным сырьём* – страны Центральной и Восточной Европы, Европейская Россия; *сельхозугодиями* – страны Восточной Европы и Европейская Россия; *трудовыми ресурсами* – страны Южной и Восточной Европы. При этом по своему составу все группы европейских стран, выделяющиеся по тому или иному фактору производства, частично пересекаются. Формирование широких и частично совпадающих групп стран в Европейском регионе можно проследить и на уровне отдельных отраслей производства (металлургия, автомобилестроение, судостроение и многие другие). Специализация производства, а вслед за ней и трансграничной торговли и кооперации, в Европе в значительной мере сосредоточена на внутриотраслевом уровне и осуществляется не столько в национальном, сколько во внутреннем региональном и локальном масштабах. Доля внутриотраслевой торговли в совокупном внутрирегиональном торговом обмене в Западной Европе имеет индекс свыше 0,5, что почти в 1,5 раза превосходит величину данного показателя для СВА (без учёта Азиатской России)¹⁸.

География распределения факторов и секторов производства в СВА отличается высокой контрастностью (табл. 1). На одном полюсе этого региона находится группа стран (Япония, Республика Корея, Тайвань), обладающих огромным инвестиционным и технологическим потенциалами, но вместе с тем сталкивающимися с острым дефицитом практически всех видов природных факторов производства (топливо, сырьё, земля, вода) и недостатком трудовых ресурсов. На другом полюсе располагается группа стран, сравнительные преимущества которых связаны прежде всего с наличием у них упомянутых выше природных факторов и избытка рабочей силы (КНР, азиатская часть России, Монголия и КНДР). Нельзя не отметить, что второй группе стран СВА присуща большая внутренняя неоднородность. Последовательный курс на выход из этой группы проводит Китай, утверждающийся в двойственной роли поставщика некоторых видов сырья и трудовых ресурсов для развитых стран региона и источника капитала и технологий для более отсталой его части. Дрейф КНР в направлении промежуточной и посреднической позиции между экономическими полюсами СВА при огромном объёме его экономики, безусловно, существенно уплотняет и упрочивает структуру внутрирегионального рынка, однако пока принципиально не меняет её типа¹⁹. В сложившихся условиях резкой факторной и секторальной специализации экономик двух основных групп стран Северо-Восточной Азии взаимодействие между ними не только в настоящем, но и в обозримом будущем может иметь

¹⁸ Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию : Обзор. Вашингтон : Всемирный Банк, 2008. С. 19.

¹⁹ Сглаживая поляризацию в СВА, Китай вместе с тем переносит региональные экономические противоречия внутрь страны.

лишь характер узкого, поверхностного и неравновыгодного обмена машинами и оборудованием (и сопровождающих их сборку технологий и капиталовложений) на топливо, сырьё и дешёвую рабочую силу.

Таблица 1

Группы стран СВА по показателям факторов и секторов производства*

Показатели	Страны I группы (Япония, РК, Тайвань)	Страны II группы (КНР, Россия, Монголия, КНДР)
Золотовалютные резервы на душу населения (тыс. дол.)	6,7–17,5	Не более 3,8
Доля расходов на НИОКР в ВВП (%)	2,3–3,7	Не более 1,8
Доля в ВВП сферы услуг (%)	57,5–72,5	33,8–56,4
Доля в ВВП промышленности (%)	26,3–39,8	10,6–45,3
Доля в ВВП сельского хозяйства (%)	1,1–5,0	4,04–33,0
Обеспеченность топливными и сырьевыми ресурсами	Незначительные запасы, приближающийся к 100 % импорт нефти, газа, угля, железа и цветных металлов	Крупные запасы, экспорт нефти, газа, угля (Россия); железа и цветных металлов (Китай, Монголия, КНДР).
Площадь сельхозземель на душу населения (га)	0,034–0,04	0,1–37,0
Прирост населения (% в год)	–0,3–0,2	0,1–1,5

* *Примечание:* для расчёта показателей золотовалютных резервов и доли расходов на НИОКР использованы данные по России в целом, для остальных показателей – данные по азиатской части страны: Азия. Коэффициент прироста населения // Worldstat.info : интернет-сайт. 2007. URL: http://ru.worldstat.info/Asia/List_of_countries_by_Population_growth_rate (дата обращения: 16.09.2013); Азия. Площадь сельскохозяйственных земель на 1000 жителей // Там же. 2011. URL: http://ru.worldstat.info/Asia/List_of_countries_by_Agricultural_land_per_1000_population (дата обращения: 16.09.2013); Внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к ВВП (2010) // Росстат : интернет-портал. 2010. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_39/IssWWW.exe/Stg/12-04.htm (дата обращения: 18.09.2013); Земельный фонд Российской Федерации на 1 января 2012 г. Справочник / Росреестр. М., 2012. С. 18–19. // Росреестр : интернет-портал. 2013. URL: https://rosreestr.ru/wps/PA_FCCLPGUMWPSPTalApp/ru.fccland.pgu.infoblock?ru.fccland.ibmportal.spring.portlet.handler.BeanNameParameterHandlerMapping-PATH=%2FFileDownloaderController&ru.fccland.ibmportal.spring.portlet.dispatcher.DispatcherServiceServlet.directRequest=x¶m_infoblock_name=сс_ib_texts_of_documents¶m_infoblock_file_path=doc/LandFund2011.rar (дата обращения: 16.10.2013); Курилов В. И. и др. Перспективы сотрудничества России со странами АТР / В. И. Курилов, И. И. Меламед, А. А. Дягилев, А. Л. Абрамов, Ю. А. Авдеев. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2010. С. 31, 32; Меламед В. В., Дягилев А. А., Авдеев М. А. Основные подходы к развитию Дальнего Востока и Прибайкалья / В. В. Меламед, А. А. Дягилев, М. А. Авдеев. М. : Современная экономика и право, 2010. С. 62; Перечень таблиц и диаграмм к докладу С. М. Рогова на заседании Президиума Российской академии наук (16 марта 2010 г.) "Россия должна стать научной сверхдержавой. Невостребованность науки как угроза" // Институт США и Канады РАН : интернет-сайт. 2013. 10 августа. URL: <http://www.iskran.ru/docs/tables.doc> (дата обращения: 16.09.2013); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 : стат. сб. / ред. коллегия: М. А. Дианов (председатель), Н. С. Бугакова, М. И. Гельвановский и др. ; Росстат. М., 2012. С. 55, 384, 399; Field listing: GDP-Composition, by sector of origin // The World Factbook : website. 2012. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2012.html> (дата обращения: 14.10.2013).

*Культурные*²⁰ *структурные условия трансграничных отношений* в Европе и СВА могут быть выражены в показателях культурной однородности регионов в целом и входящих в них отдельных стран. Оценивая по данному показателю Европейский регион, можно констатировать высокую степень его внутренней гомогенности. Она сложилась, прежде всего, в сфере религиозного сознания: почти все страны Европы (за исключением Албании, а также регионов Калмыкии и Татарстана в европейской части России) населены преимущественно приверженцами западной и восточной ветвей христианства и их различных конфессий и деноминаций. С конца XVIII в. на христианском фундаменте европейского культурного единства начал формироваться его второй, идеологический слой, образованный либерально-демократическими ценностями. К началу XXI в. пространство доминирования либерально-демократических ценностей, практически совпадающее с современными границами ЕС, охватило большую часть территории Европейского региона.

Вместе с тем большинство входящих в регион стран отличаются внутренней этнокультурной и конфессиональной гетерогенностью²¹ (или, по терминологии А. Лейпхарта, многосоставностью²²). Эта внутристрановая культурная гетерогенность служит важнейшей основой, уходящей своими корнями в далёкое историческое прошлое сложной мозаики европейских регионов. В свою очередь, развитая структура естественно-исторических внутренних регионов ("Европа регионов") в настоящее время выступает базовым пространственным уровнем для процессов европейской интеграции.

В СВА соотношение показателей культурной однородности на региональном и страновом уровнях во многом является противоположным. Региональная культурная гомогенность СВА, несмотря на частое отнесение большинства её стран к буддо-конфуцианской цивилизации, значительно уступает европейской. На территории этого региона массово исповедуются все три мировые религии – буддизм, ислам и христианство, а также распространены так называемые "национальные религии" (конфуцианство, даосизм, синтоизм) и множество местных культов. В XX в. структура культурного пространства этого региона была усложнена сохраняющимся до настоящего времени расколом на два идеологических лагеря – коммунистический (КНР, КНДР) и либерально-демократический (Япония, РК, Тайвань).

На страновом уровне СВА, в сравнении с Европой, напротив, свойственна значительно более высокая культурная гомогенность. Большинство

²⁰ Под культурой в данном случае понимаются все основные формы общественного сознания – этническая культура, религия и идеология.

²¹ Field listing: Ethnic groups // The World Factbook : website. 2012. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2075.html> (дата обращения: 14.10.2013); Field listing: Religions // The World Factbook : website. 2012. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2122.html> (дата обращения: 14.10.2013).

²² Многосоставность общества, согласно Лейпхарту, определяется как наличие в нём нескольких устойчивых и обособленных социальных сегментов (субкультур) (Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование / А. Лейпхарт. М. : Аспект Пресс, 1997. С. 38–59, 89–140).

стран региона (Япония, КНДР, Республика Корея, Тайвань, Монголия) являются мононациональными: доля титульного этноса в составе их населения превышает 90 %²³. При этом в ряде стран этническая основа внутренней культурной однородности усиливается абсолютным доминированием в национальном масштабе определённых религиозных (Япония) или идеологических (КНДР, РК, Тайвань, Япония) ценностей. Китай и азиатская часть России обладают значительно более сложным культурным составом: их относят к категории многонациональных и многоконфессиональных. Однако эта многосоставность отличается ярко выраженной асимметричностью: в составе населения как Китая, так и азиатской части России абсолютно преобладают представители одной национальности (соответственно, ханьцы – более 91 % и русские – 87 %²⁴). Кроме того, фактором, интегрирующим культурное пространство Китая, является наличие в нём государственной идеологии. Границы большинства регионов первого уровня как в Китае, так и в азиатской части России не связаны с историко-культурной сегментацией населения и являются результатом позднего регионостроительства.

Рассматривая сопоставляемые регионы с точки зрения *политико-административных условий трансграничного взаимодействия*, следует прежде всего обратить внимание на положение входящих в них государств относительно морей и политических границ. В Европе максимальная удалённость сухопутных пунктов от морских побережий не превышает 1 тыс. км²⁵ (в Западной Европе – 600 км²⁶). По отношению же к своим границам глубина территорий почти всех государств Европы (за исключением европейской части РФ) не превышает 300 км. В СВА такие государства, как Тайвань, РК, КНДР и Япония²⁷, с точки зрения положения своих территорий относительно морских берегов и собственных границ вполне сопоставимы с европейскими странами. Что же касается КНР и азиатской части РФ, то они обладают в этих аспектах существенными особенностями. Обе страны характеризуются выраженной континентальностью своего положения: около половины территории Китая и до трети территории Азиатской России удалены от морских берегов более чем на 1 тыс. км. Кроме того, и в Китае, и Азиатской России большая часть территории располагается за пределами 300-километровой приграничной полосы.

Таким образом, с точки зрения показателей положения государств относительно морей и политических границ региону Северо-Восточной Азии свойственны резкие внутренние различия. Худшими значениями показателей этих условий, не имеющими аналогов в Европе, обладают крупнейшие государства СВА – Китай, Россия и Монголия.

²³ См.: Field listing: Ethnic groups.

²⁴ См.: Регионы России ... С. 55; Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года : Офиц. изд. / Федер. служба гос. статистики. М. : Статистика России, 2012. С. 98–101; см.: Field listing: Ethnic groups. Приведена доля русских в азиатской части РФ.

²⁵ 8 стран Европы (кроме микросоциальных) не имеют выхода к морю.

²⁶ Дулов А. В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.) / А. В. Дулов. М. : Наука, 1983. С. 5.

²⁷ Из стран СВА только Монголия не имеет выхода к морю.

Оценка политических структурных условий трансграничных отношений в СВА и Европе предполагает, кроме того, определение возможностей участия в этих отношениях субнациональных субъектов, т.е. региональных и муниципальных властей, а также организаций и отдельных граждан. Состояние этих возможностей можно выразить в понятиях децентрализации государства и открытости его границ. Ввиду их объёмности осуществить для них полную операционализацию в каких-либо количественных показателях крайне трудно.

Наиболее известным показателем, принимаемым за количественную меру децентрализованности государства (а точнее – одного из её ключевых аспектов), является доля расходов субнациональных (региональных и местных) органов власти в общих расходах консолидированного государственного бюджета. По данным Международного валютного фонда за 2010 г., в большинстве стран Европейского региона доля расходов субнациональных органов власти не превышала 30 %²⁸. На этом фоне страны СВА демонстрируют в целом значительно более высокий уровень бюджетной децентрализации. Так, доли расходов субнациональных властей в таких государствах, как Россия (33 %), Республика Корея (43 %) и Япония (47 %), вполне сопоставимы со значениями этого показателя в самых децентрализованных государствах Европы – Германии (34 %), Финляндии (35 %), Испании (40 %), Швеции (43 %), Дании (47 %) и Швейцарии (51 %)²⁹. Степень же бюджетной децентрализации КНР (85 %) и вовсе не имеет аналогов среди европейских государств³⁰.

Вместе с тем сравнение двух регионов в плане открытости государственных границ для субнациональных акторов представляет политико-административные условия трансграничных отношений в СВА в ином свете. Количественным показателем названного понятия может служить рассчитываемый экспертами Мирового экономического форума индекс обеспечиваемых государством условий для ведения трансграничной торговли ETI (The Enabling Trade Index). Исходя из значений ETI за 2012 г., медианный балл для 37 измерявшихся европейских стран составлял 4,46, тогда как для 6 стран СВА (без КНДР) он был равен 4,43. Однако более показательной, чем различие средних значений торговой открытости стран двух регионов, является степень их разброса. Если 37 стран Европы заполняют свой диапазон дисперсии индекса достаточно равномерно (от 5,41 до 3,41), тяготея к его центру (квинтильный ранг, т.е. разброс значений индекса для 60 % ближайших к медиане стран составляет 1,10), то распределение 6 стран СВА по диапазону значений индекса заметно более поляризовано (от 5,08 до 3,40). Группу стран Северо-Восточной Азии со значениями ETI выше медианного образуют Япония (5,08), Тайвань

²⁸ Fiscal Decentralization Indicators // The World Bank : website. 2013. June. URL: <http://siteresources.worldbank.org/PUBLICSECTORANDGOVERNANCE/Resources/285741-1326399585993/8366509-1332861347588/gfs.xlsx> (дата обращения: 12.10.2013).

²⁹ См.: Fiscal Decentralization Indicators; National Accounts of OECD Countries. General Government Accounts 2012. Paris : OECD publishing, 2013. P. 179–180.

³⁰ China – Government Finance // Quandl : website. Last updated: 07.03.2014. URL: <http://www.quandl.com/economics/china-government-finance> (дата обращения: 07.03.2014).

(4,81) и Республика Корея (4,65). Обособленное положение на шкале индекса занимает Китай (4,22), а в её нижней части находятся такие страны, как Россия (3,41) и Монголия (3,40)³¹. Если добавить к двум последним оставшуюся за рамками индекса КНДР, то можно заметить, что распределение стран СВА по проницаемости политико-административных барьеров для ведения трансграничной торговли в целом сходно с их группировкой по показателям факторной и секторальной специализаций (сравнительных преимуществ в производственной сфере).

* *
*

Сопоставление структурных условий развития трансграничного сотрудничества в Европе и СВА в их физико-географическом, демографическом, экономическом, культурном и политико-административном измерениях позволяет сделать некоторые выводы, которые следует учитывать при построении российской стратегии участия в этом сотрудничестве. *Во-первых*, как показывает проведённый анализ, во всех основных аспектах структурные условия трансграничного взаимодействия в Северо-Восточной Азии значительно менее благоприятны, чем в Европейском регионе. При этом степень их неблагоприятности в целом возрастает по мере обращения к исторически более инерционным и менее поддающимся целенаправленному регулированию категориям факторов. С этой точки зрения самыми узкими и жёсткими ограничителями трансграничного сотрудничества в СВА остаются его физико-географические, социально-демографические и культурные особенности.

Этот вывод заставляет скептически отнестись к любого рода вдохновляемым примером ЕС проектам форсированной международной интеграции в Северо-Восточной Азии, в том числе в сфере экономических отношений³². Кроме того, он требует обратить внимание на более глубокие причины малой успешности, а иногда и провальности целого ряда ранее выдвинутых инициатив по налаживанию сотрудничества в регионах СВА и АТР. Среди них можно вспомнить проекты различного масштаба и давности – от "Богорской декларации" Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества 1994 г. и Туманганской инициативы до "Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР" 2009–2018 гг. Пробуксовку этих проектов невозможно объяснить в полной мере текущими противоречиями интере-

³¹ The Global Enabling Trade Report 2012 / eds. Robert Z. Lawrence, Margareta Drzeniek Hanouz, Sean Doherty. Geneva : World Economic Forum, 2012. P. 9.

³² Очередным подтверждением того, что курс на ускоренную экономическую интеграцию России в СВА и АТР по-прежнему пользуется значительной поддержкой в политической элите страны, стало заявление И. Шувалова на форуме АТЭС во Владивостоке (см.: Через 5–10 лет Россия будет активнее вести торговлю со странами АТР, чем с Европой // ИТАР-ТАСС : интернет-сайт. 2012. 7 сентября. URL: <http://itar-tass.com/ekonomika/602422> (дата обращения: 10.05.2013).

сов сторон или факторами мировой конъюнктуры, подобными разразившемуся в 2008 г. экономическому кризису.

Более весомой причиной их неуспеха, на наш взгляд, является несоотнесённость этих планов с объективными ограничениями региона, их *принципиальная неосуществимость* в заявленные сроки. Трудно сомневаться в том, что непредвзятая экспертиза таких проектов с точки зрения региональных структурных ограничений привела бы к существенной консервативной корректировке их временных и качественных ориентиров.

Во-вторых, проведённое исследование указывает на то, что отличительной чертой структурных условий СВА является высокая степень их внутрорегионального неравенства. Оно обнаруживает себя практически во всех категориях структурных условий и прослеживается как на национальном, так и на субнациональном уровнях. В Азиатской России, КНР, Монголии и КНДР общая неблагоприятность физико-географических, социально-демографических, экономических, культурных и политико-административных условий трансграничного сотрудничества выражена значительно сильнее, чем в Японии, Республике Корея и Тайване, близких по данным параметрам к наиболее благоприятным и развитым странам Европы. Кроме того, Китай и Азиатская Россия характеризуются высокой поляризацией физико-географических, демографических, экономических и культурных условий развития своих внутренних регионов. Глубокое внутрискановое структурное неравенство, с одной стороны, выступает мощным ограничителем процессов интеграции в СВА, а с другой – создаёт объективную угрозу формирования в ней неравноправных, неокониальных моделей трансграничных отношений.

В-третьих, высокая степень структурного неравенства внутренних регионов, прежде всего в Азиатской России и КНР, свидетельствует о том, что задачи обеспечения государственной целостности на длительную перспективу будут оставаться для этих стран более актуальными, чем цели трансграничной интеграции. Выравнивание демографических, экономических и в определённой мере культурных условий существования центральных и периферийных регионов РФ и КНР, повышение их взаимной, в том числе инфраструктурной, связанности требуют колоссальных государственных вложений, что само по себе не может не стать фактором сдерживания их участия в крупных трансграничных проектах.

В-четвёртых, поскольку приграничные регионы стран СВА (особенно Китая и Азиатской России) отличаются, как правило, относительной слаборазвитостью и недоосвоенностью и сильно зависят от финансовой и политической поддержки центральных властей, то нет оснований ожидать, что они станут локомотивами трансграничного сотрудничества, подобно тому, как это происходит в Европе. В обозримом будущем роль основных субъектов, подлинных движущих (и лимитирующих) сил такого сотрудничества в Северо-Восточной Азии будут играть именно правительственные органы и крупные корпорации, выступающие во многом агентами политики первых. Это утверждение в определённой мере справедливо и для приграничных регионов Японии и Южной Кореи, хотя в последних главным препятствием для повышения региональной трансграничной активности являются не столько географические, демографические или

экономические факторы, сколько историческая незрелость национальных государств в СВА, их неготовность в обстановке взаимного недоверия в какой-либо форме поступаться своим политическим суверенитетом.

Наконец, *в-пятых*, состояние структурных условий трансграничного сотрудничества в Северо-Восточной Азии ставит под сомнение возможность его развития в пространственных масштабах и институциональных формах, уже апробированных в Европе. В СВА отсутствуют предпосылки для возникновения трансграничных макроструктур, подобной протянувшейся на 1,6 тыс. км с севера на юг "Центральной оси развития" Западной Европы и достигающим по площади десятков и сотен квадратных километров еврорегионов. Самыми благоприятными объективными условиями для интенсивного сотрудничества, реализации наиболее масштабных и комплексных, т.е. собственно интеграционных, проектов располагают территории Японии ("Тихоокеанский промышленный пояс"), РК (коридор "Сеул – Пусан") и КНР (провинции Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян), выходящие на берега Жёлтого и Восточно-Китайского морей. Для большинства же приграничных регионов стран СВА (включая регионы азиатской части РФ) вероятной среднесрочной перспективой являются локальные, сугубо экономические и низко институционализированные формы трансграничного сотрудничества, т.е. различные типы поселенческих свободных экономических зон³³. Подобные зоны могут быть созданы в наиболее конкурентоспособных центрах приграничных регионов, позволяя подключать уже сосредоточенные в них человеческие и экономические ресурсы к сложившейся сети трансграничных связей. Распространение же особых режимов трансграничного взаимодействия на остальные районы приграничных территорий должно быть увязано с результатами выполнения государственных программ их развития, с достижением ими структурной готовности к самостоятельному и взаимовыгодному участию в отношениях с внешними партнёрами.

Ключевые слова: *Северо-Восточная Азия – Европейский регион – Россия – трансграничное сотрудничество – интеграция – структурные условия.*

Keywords: *North-East Asia – European region – Russia – cross-border cooperation – integration – structural conditions.*

³³ Учитывая особенную активность, длительность и относительную успешность политики создания маломасштабных СЭЗ в КНР, эту модель трансграничного сотрудничества можно было бы назвать китайской (см.: *Костюнина Г. М., Баронов В. И.* Трансграничные свободные экономические зоны в зарубежных странах (на примере Китая) // *Г. М. Костюнина, В. И. Баронов // Вестник МГИМО. 2011. № 2. С. 169–178).*